

УДК 821.161.1

*М.В. Серова, И.С. Кадочникова***ПРОБЛЕМЫ «НЕРУССКОЙ РОССИИ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ УДМУРТИИ**

В статье рассматриваются тенденции развития межэтнических отношений в современной Удмуртии в контексте общероссийских процессов, являющихся отражением глобализаторских установок на стирание национальных различий, с одной стороны, а с другой – поддерживающих самопроявление малых народов России, которое в радикальном варианте может привести к экстремистскому поведению, особенно в молодежной среде. На материале поэзии М. Федотова, С. Матвеева, Б. Анфиногенова, М. Зиминной, С. Жилина, В. Фролова, А. Сомова, В. Шихова методом типологического анализа обнаруживается общность экзистенциальных страхов русского и удмуртского народов, связанных с потерей прежде всего языковой идентичности. Делается вывод о том, что для русско-удмуртских отношений в целях профилактики ксенофобии важно формирование общегражданской идентичности в процессе осознания общих проблем, оторефлексируемых в искусстве.

Ключевые слова: национальность, этнос, нация, этническая принадлежность, толерантность, межкультурный диалог, общегражданская идентичность.

Несмотря на то, что в современных условиях глобализации понятие «национальность» практически вышло из употребления, вытеснившись термином «этническая принадлежность», проблема экстремистских проявлений, обостряющих напряжение между народами многонациональной России, отнюдь не дезактуализировалась и стала объектом многочисленных междисциплинарных исследований [4; 11].

Практически все ученые, работающие в этом направлении, видят выход из сложившейся ситуации в воспитании этнической толерантности как основы межнациональных отношений [1; 5; 7; 16; 20]. Например, Н.М. Лебедева под этнической толерантностью понимает «наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» [19. С. 52].

Как отмечает член Комитета Госдумы России по делам национальностей Г.К. Сафаралиев, «россияне пока плохо знают друг друга, однако нет никаких сомнений, что эту проблему можно решить, подключив все ресурсы, в первую очередь информационные и образовательные» [12. С. 36].

Специфика этнического состава Удмуртии, при все его пестром многообразии – татары, украинцы, марийцы, башкиры, азербайджанцы, белорусы, армяне и т.д. (всего по переписи 2002 г. – 109 наименований малых этносов, численность которых зачастую не достигает 1 %) – определяется прежде всего наличием русских (60 %) и удмуртов (29 %) [9].

Несмотря на то, что удмурты в Удмуртии – титульная нация, русские до сих пор представляли здесь этническое большинство.

Само по себе численное преимущество русских, которое вполне справедливо могло бы стать поводом для раздражения со стороны удмуртов, никогда не провоцировало проявления открытой конфронтации в русско-удмуртской среде. При всем самосознании этнической принадлежности русские и удмурты умели сохранять мир и согласие, ориентируясь на принцип толерантности, или терпимости, по отношению друг к другу, хотя, по мнению Т.Р. Душеновой, рассмотревшей данные концепты в удмуртском языке с лингвистической точки зрения, толерантность, или терпимость, подразумевает скрытое осуждение, однако «терпение» – это качество, которое лежит в основе как удмуртской, так и русской ментальности: ср.: «Терпение не лопнет» (удм.) и «Бог терпел и нам велел» (русс.) [6].

Несмотря на то, что удмуртская культура и, в частности, литература переживала длительный период самоопределения, обусловленный объективными историко-культурными обстоятельствами, начиная с 1970-х гг. к 2000-м гг. [3] она достигла своего расцвета. Сегодня есть все основания говорить об удмуртском культурном Ренессансе.

Большую роль в этом процессе сыграл этнофутуризм, который, по мнению В.Л. Шибанова, открыл возможность диалога «архаического сознания с современностью» [18. С. 247].

Данное направление представлено именами таких поэтов, как В. Шибанов, С. Матвеев, М. Федотов и др., в творчестве которых отразился интенсивный духовный поиск, связанный с экзистенциальными вопросами личного и общезнаменного сознания: «кто я», «кто мы»:

В небо ночное гляжу, ожидая
Вести хорошей напрасно.
Я себе сам надоел, вопрошая:
«Кто я, о Боже? Не ясно...»
(М. Федотов [10. С. 188])

Все сошлось и смешалось в таинственном сне,
словно в тысячелетнем тумане,
и заглавный вопрос пробудило во мне:
кто же все-таки мы, бесермяне?
(М. Федотов [10. С. 172])

Длинноногий –
макушкой в тучах,
но стопами приклеен к земле, –
кто я? Муж из когорты могучих?
Или просто мужик при весле?
(С. Матвеев [10. С. 231])

Преобладание вопросительных конструкций в целом отличает этнофутуристическую поэтику.

Победа «Бурановских бабушек» на «Евровидении-2013», престижные международные премии группы «Silent Woo Google», популярность музыкальность «Птица Тылобурдо» и т.п. для современной удмуртской молодежи как будто дезактуализировали данную онтологическую проблематику. Сегодня удмурты ощущают себя «суперэтносом» (см. популярный в интернете видеоклип на текст Б. Анфиногенова «Суперудмурты»):

Выходи из засиженной юрты.
Кто бы что ни говорил, мы суперудмурты.

При этом страх перед утратой этнической идентичности не преодолен удмуртским народом, а для тех его представителей, которые опять же в силу определенных историко-культурных обстоятельств не знают родного языка, именно языковая проблема представляет глубоко личную трагедию:

Мне плохо.
Я душу засунул в пакет
И пошел в магазин.
Бездушный и русскоязычный udmurtский поэт,
Я шел по грязи.
Я видел армян и грузин.
Я – русскоязычный udmurtский поэт
<...>
Тone, kalуке, возрождать kaгоно,
(Тебя, мой народ, нужно возрождать)
Все это прекрасно, блин, но...
Но я сам не владею родным языком,
Я его не впитал с молоком,
Udmurtjos.com, udmurtjos.com...[2. С. 265-266]

Неслучайно процитированный выше Богдан Анфиногенов, которому пришлось изучить родной язык по словарю, считает своей главной поэтической и гражданской задачей открыть удмуртское так называемым обрусевшим удмуртам, создавая свои тексты на двух, а иногда и на трех языках, подключая английский. Он объясняет это так: «Русско-удмуртские стихи были рассчитаны на таких, как я, обрусевших удмуртских детей – чтобы они почувствовали себя частью удмуртского народа, поняли, что удмуртское может быть современным и модным, как любая культура» [17].

После распада СССР рухнул формировавшийся на протяжении трех столетий русской истории и культуры миф о Великой России, вследствие чего обесценилась утверждаемая русской религиозной философией идея о мессианском предназначении русского народа [13]. Все чаще не только усилиями

западной пропаганды, но и на уровне открытой региональной этнической рефлексии стали актуализироваться рудименты другого мифа о России как о «тюрьме народов», который еще в начале прошлого века, естественно, в интересах своей идеологической революционной программы стремился развенчать В.И. Ленин [8]. О необходимости укрепления российской национальной идентичности как противодействия радикальному национализму, обусловившему проблему русского в России, совсем недавно говорил философ А.Г. Ткаченко [15].

Горькая ирония по поводу фальсификации позитивных советских ценностей, главной из которых была идея национального единства, звучит в «Воспоминании о Грузии» М. Зиминой:

Закроешь глаза – и окажешься в городе Мцхета.
Какое вокруг раскаленное южное лето!
Какой романтический повсюду царит антураж!
Какой экзотичный у нас пред глазами пейзаж!

Какое веселое солнце над нами ликует!
Страна «ССР», как ни странно, еще существует.
И горная речка по камушкам резво журчит...
И «дружба народов» на полном серьезе звучит [10. С. 14].

При этом национальная трагедия утраты «большой» родины «компенсируется» ощущением причастности к так называемой «малой родине», то есть Удмуртии:

Здесь прошлое опять разворошу я –
Исчезла с карты целая страна...
У нас отняли Родину большую –
Осталась только малая одна.

Вот эта уходящая натура,
Перед которой вечно мы в долгу,
Вот эта черно-белая гравюра –
Деревья, утонувшие в снегу.

(М. Зиминая [10. С. 18])

Здесь не случайно представлена картина удмуртской провинции, где межэтнические конфликты никогда ни на каком уровне себя не проявляли, поскольку в Удмуртии проблема этнического самоутверждения не проблема народа, а проблема интеллигенции:

Я родилась в нерусской России,
Где купавку зовут «италмас»,
Где удмуртские песни грустили
Над моей колыбелью не раз.

Многолюдные помню базары...
Воскресение. Солнечный день.
Как на праздник, марийцы, татары
Из окрестных идут деревень.

Вавилонское столпотворенье –
Всех наречий и говоров пир!
Этот радостный на удивленье,
В красный ситец обряженный мир.

Было небо, как стеклышко, чистым,
И смотрела я женщинам вслед,
На которых звенели мониста
Из серебряных царских монет.

(М. Зиминая [10. С. 13-14])

Однако проявление русской национальной депрессии, связанной с ощущением потери себя не только во времени, но и в пространстве, присутствует в поэзии Удмуртии, в частности, в лирике В. Фролова:

Гляну вдаль – ни хрена не пойму.
В душу свистну – ни дна, ни покоя.
Ветерок одинок по уму
Да винишко полусухое,
Да великая Кама-река,
Простоватая, словно тальянка,
Или беженка-Малика –
Персияночка-персиянка [10. С. 52]

Психологические результаты этой потери проявляют себя в духовной дезориентации, тревоге, эскапизме:

Еще позавчера шумел камыш,
Сейчас в печи трещит, искрит и рвется,
Но греет – не декабрьская ли тишь
Свободой долгожданною зовется?
И под руку российскому уму
Предпраздничность безветрия, безвестья,
Безвременья – отчасти потому
Душа хмельная снова не на месте:
В кустах, крестах, с молитвой на устах,
Снегах чужих, пустынях раскаленных,
В бегах иль соблазнительных местах,
Не столь родных, насколько отдаленных.
(В. Фролов [10. С. 52])

Отчужденность не только от себя, но и от других становится причиной так называемого «русского беспамятства», которое зафиксировано в навязанном русским их национальном стереотипе – «Иваны, родства не помнящие»:

Что могу поведать о других,
Коли и себя не помню я...
(В. Фролов [10. С. 63])

Разрыв отдельного человека с личным прошлым обрекает всю нацию на отсутствие будущего:

И когда отправлюсь на покой
В кепочке, надетой набекрень,
Дай мне силы слабою рукой
Не цепляться за грядущий день.
(В. Фролов [10. С. 63])

С культурно-исторической точки зрения русская безысходность, русский надрыв и русская боль прогнозируют стихийный протест против национального унижения:

Бурлаки не грозят бечевою...
Ох, невольная душка-свобода!
Ах, дымок горьковат кочевой!
Ух ты, матерный трепет народа!
И дубинушка ты не моя,
Просвистел я тебя и прошляпил...
Ухнем, щедрости не отмоля,
Эх ты, Федор Иванныч Шаляпин.
(В. Фролов [10. С. 53])

И, конечно, в этом протесте проявляется вполне предсказуемая пресловутая «русская агрессия», в полной мере выплеснувшаяся в поэзии позднего А. Сомова:

Мы еще дадим говна, угля и газа,
Мы еще послужим родине-стране,
Что стоит, качаясь, пьяная зараза,
В православном ветхом шушуне [14].

Поздние стихи А. Сомова – это, конечно, крайнее проявление социального радикализма, обусловленного национальным саморазочарованием.

Однако даже в элегических стихах С. Жилина порой всплывают апокалиптические мотивы, конституирующие русский эсхатологический миф, например, в «Осенних размышлениях о потопе»:

Через осенние дожди,
Через Казань, через Сарапул
Ты на меня не ворожи,
Пока еще звезда дрожит,
Пока я не взшел по трапу,
Хотя давно готов ковчег,
Да голубь с вороном в раздоре...
И я – последний человек
На стыке всех земных историй.
<...>
Через осенние дожди,
Через Сергач или Калугу
Ты на меня не ворожи,
Пока еще звезда дрожит,
И жизнь моя бежит по кругу.
Но вот уходит мой ковчег
Куда-то в сторону Европы...
И я – последний человек
Из тех, что жили до потопа [10. С. 48].

Современная русская эсхатология обусловлена крушением еще одного национального мифа – о «великом и могучем» русском языке, выродившемся, по определению поэта, в «беспризорную русскую речь»:

Беспризорная русская речь
На просторах страны затерялась.
Остается поэтам лишь малость –
Хоть частицу ее уберечь.
<...>
И, премудрости книжной учен,
Я под крышей случайного крова
Вдруг ловлю стариковское слово,
Понимая, что сам ни при чем.

Ни при чем, ибо верил другим,
Тем, кто в радио-, телеэфире
Рассуждал о России и мире,
Но не видел такой вот пурги...
(С. Жилин [10. С. 49]).

Об утрате исконно русского языка, уходящего сегодня в небытие вместе с его носителями, скорбит также М. Зими́на:

Вместе с бабушкой ушел в небытие ее язык –
говор вятской деревни позапрошлого века.

– Что на тебе за ремонья?! – это о нашей короткополой моде века двадцатого. Интересно, что бы она сказала о нынешней... [10. С. 18]

Ощущение экзистенциальной пустоты, связанной с «онемением» русского народа, обнаруживается в поэзии В. Шихова:

Когда язык народа моего,
Не растворяя уст, в моем подобье ходит,
И дом вечерний пуст, и я забыл его,
И ничего уже не происходит [10. С. 72].

Однако в стихах данного поэта звучит внушающий надежду социокультурный оптимизм, свидетельствующий о гражданской позиции автора:

Исполнимся. Внесем в свои тетради
И, как Сцевола руку на огне,
Удержим и мелодию Вивальди,
И тайное смятение во сне
Апостолов, забывшихся в печали, –
«Душа скорбит, но будьте же бодры» –
но мы ведь языка не предавали
и не презрели прошлого дары [10. С. 81-82].

Таким образом, главная проблема «нерусской России» заключается не в отсутствии этнической толерантности, а в недостаточности взаимного интереса двух народов к национальным проблемам друг друга, которые только на первый взгляд различаемы в силу их историко-культурной стадийности. И это действительно затрудняет возможность осуществления сущностного межкультурного диалога, являющегося самым эффективным способом формирования общегражданской идентичности как гаранта всеобщей духовной стабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьева Е.П. Толерантность как культурная универсалия глобализированного мира // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 34. С. 167-169.
2. Анфиногенов Б. Айшет будущего: Кылбуръёс, поэмаос. Ижкар, 2014. С. 265-266.
3. Арзамазов А.А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 – начала 2010-х годов: человек, природа, город. Ижевск, 2015.
4. Гуськов Д.В. Экстремизм в культуре // Человек в мире культуры. 2012. № 4. С. 13-19.
5. Днепров Т.П. педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность» и «межнациональная толерантность» // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 88-98.
6. Душенкова Т.Р. Ксенофобия или толерантность удмуртов (на примере концепта «чидан») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-83.
7. Коваленко Л.Г. Проблема толерантности в современной России // дневник АШПИ. 2006. № 22. С. 130-132.
8. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. М., 1952.
9. Национальный состав населения Удмуртской Республики. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=18>. (дата обращения: 23.12.2015).
10. Никуда этот мир не исчезнет... Поэзия Удмуртии. Избранное. Ижевск, 2015.
11. Петросян Д.И., Свинцов И.В. Толерантность против национальной нетерпимости в сознании россиян // Дневник АШПИ. 2006. № 22. С. 185-189.
12. Сафаралиев Г.К. Объединиться для борьбы с национализмом и ксенофобией // Региональные аспекты социальной политики. 2012. № 14. С. 35-40.
13. Соловьев В.С. Три силы. Публичная лекция // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 19-31.
14. Сомов А. Стихи, рассказы, эссе // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/somov/> (дата обращения: 23.12.2015).
15. Ткаченко А.Г. Укрепление российской национальной идентичности как противодействие радикальному национализму // Вестник экономической безопасности. 2015. №6. С. 70-74.
16. Тучина О.Р. Толерантность и этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // Социосфера. 2013. № 4-1. С. 164-167.

17. Удмуртский поэт Богдан Анфиногенов: «Людей нужно увлечь чужой культурой» // Финно-угорская газета. URL: <http://fugazeta.ru/udmurtskij-poet-bogdan-anfinogenov-lyudej-nuzhno-uvlech-chuzhoj-kulturoj> (дата обращения: 23.12.2015).
18. Шибанов В.Л. Современность и этнофутуризм // Движение эпохи - движение литературы: Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2005.
19. Формирование толерантности личности в полиэтнической образовательной среде: учебное пособие. М., 2004.
20. Юдина О.И. Аксиологический аспект этнической толерантности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 18-26.

Поступила в редакцию 20.01.16

M.V. Serova, I.S. Kadochnikova

PROBLEMS OF "NON-RUSSIAN RUSSIA" AND THEIR REFLECTION IN THE MODERN POETRY OF UDMURTIA

The article deals with the tendencies of development of interethnic relations in contemporary Udmurtia in the context of national processes that reflect globalizational installations to the erasure of national differences, on the one hand, and on the other – to support self-expression of small peoples of Russia, which in its radical version may lead to an extremist behavior, especially among youth. On the materials of poetry of M. Fedotov, S. Matveev, B. Anfinogenov, M. Zimina, S. Zhilin, V. Frolov, A. Somov, V. Shikhov and using a method of typological analysis, the authors of the article have found common existential fears of the Russian and Udmurt peoples associated with the loss of first language identity. The authors conclude that for the Russian-Udmurt relations, in order to prevent xenophobia, it is important to form common civil identity in the process of understanding common problems reflected in art.

Keywords: nationality, ethnos, nation, ethnicity, tolerance, intercultural dialogue, national identity.

Серова Марина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova M.V.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: serova1967@inbox.ru

Кадочникова Ирина Сергеевна,
кандидат филологических наук, заведующая кафедрой
общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
ЧОУ ВПО «Восточно-Европейский институт»
426 000, Россия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, 268
E-mail: irkadokh@mail.ru

Kadochnikova I.S.,
Candidate of Philology, Head of Department
of Humanities and Natural science
East-European Institute (Izhevsk)
Pushkinskaya, 268, Izhevsk, Russia, 426000
E-mail: irkadokh@mail.ru